

Экономика народонаселения и экономика труда

Научная статья

УДК 364.662

DOI: <https://doi.org/10.17308/econ.2025.4/13358>

JEL: I32; D63; P36

Динамика депривационной бедности российского населения и ее проекции на монетарную бедность

А. Я. Бурдяк¹, Е. А. Цацура², А. А. Осаволюк³

^{1, 2, 3} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Пречистенская наб., 11, 119034, Москва, Российская Федерация

Предмет. Депривационная бедность как недостаточность ресурсов для соответствия общепринятым стандартам потребления рассматривается в качестве дополнения к монетарному определению бедности населения, когда среднедушевые доходы – ниже порога бедности. Это позволяет выявить устойчивые формы социальной уязвимости.

Цель. Определить уровень и изменение депривационной бедности российского населения за последние годы, изучить динамику связи монетарной и депривационной бедности.

Методология. Эмпирическая основа – микроданные выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения (КДУ) за 2017–2023 гг. Предложен набор лишений для определения бедности, протестирована согласованность набора. Сконструировано два показателя: аддитивный индикатор депривационной бедности, отражающий наличие четырех и более лишений из десяти, и интегральная депривированность, рассчитанная с помощью метода главных компонент. Проведен регрессионный анализ динамики связи деприваций и абсолютной бедности по доходам.

Результаты. За семь лет депривационная бедность существенно снизилась, до 8 % в 2023 г. Значительно меньше стало бедных по доходам, связь депривационной и монетарной бедности ослабла. Особенно сократилась сфера крайней уязвимости, когда люди бедны по обеим концепциям одновременно.

Выводы. Предложенный набор депривационных признаков продолжает быть согласованным и может служить базой для определения бедности. Несмотря на существующие расхождения в монетарном и депривационном измерениях бедности, немонетарные индикаторы дополняют информацию об уровне жизни населения и должны применяться на практике.

Ключевые слова: малоимущие, индикаторы бедности, лишения, депривации, граница бедности.

Для цитирования: Бурдяк, А. Я., Цацура, Е. А., & Осаволюк, А. А. (2025). Динамика депривационной бедности российского населения и ее проекции на монетарную бедность. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление*, (4), 79–92. DOI: <https://doi.org/10.17308/econ.2025.4/13358>

Labor and Demographic Economics

Original article

UDC 364.662

DOI: <https://doi.org/10.17308/econ.2025.4/13358>

JEL: I32; D63; P36

The dynamics of deprivation poverty among the Russian population and its linkages to monetary poverty

A. Ya. Burdyak^{1✉}, E. A. Tsatsura², A. A. Osavolyuk³

^{1, 2, 3} Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 11
Prechistenskaya Emb., 119034, Moscow, Russian Federation

Subject. Deprivation poverty, defined as the insufficiency of resources to meet generally accepted consumption standards, is considered a complement to the monetary definition of poverty (where per capita income falls below the poverty line). This approach allows for the identification of persistent forms of social vulnerability.

Purpose. To determine the level and changes in deprivation poverty among the Russian population in recent years and to analyze the dynamic relationship between monetary and deprivation poverty.

Methodology. The empirical foundation comprises microdata from the sample survey of quality and accessibility of education, healthcare, social services and employment promotion (CLIs) for 2017–2023. A set of deprivations for defining poverty was proposed and its consistency tested. We also constructed two indicators: an additive deprivation poverty indicator (reflecting four or more deprivations out of ten), and an integral deprivation index calculated using principal component analysis. Regression analysis was performed on the dynamics of the relationship between deprivations and absolute income poverty.

Results. Over the seven-year period, deprivation poverty decreased significantly, reaching 8 % in 2023. The number of income-poor individuals also substantially declined, and the linkage between deprivation and monetary poverty weakened. The sphere of extreme vulnerability, where people experience both types of poverty simultaneously, contracted notably.

Conclusions. The proposed set of deprivation indicators remains consistent and can serve as a basis for defining poverty. Despite the existing discrepancies between monetary and deprivation-based poverty measurements, non-monetary indicators provide valuable supplementary information about living standards and should be applied in practice.

Key words: low-income individuals, poverty indicators, deprivations, poverty line.

For citation: Burdyak, A. Ya., Tsatsura, E. A., & Osavolyuk, A. A. (2025). The dynamics of deprivation poverty among the Russian population and its linkages to monetary poverty. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, (4), 79–92. DOI: <https://doi.org/10.17308/econ.2025.4/13358>

Введение

В мировой практике анализа бедности используются в основном три подхода к ее определению (абсолютный, относительный и субъективный), каждый из которых можно подразделить на монетарную бедность (на основе размера денежных доходов) и немонетарную (согласно материальным возможностям, возможностям потребления или лишениям) (Овчарова и др., 2014; Елисеева, Раскина, 2017; Бикеева, 2018; Белопащенко и др., 2024). В России в качестве официального критерия определения бедности используется абсолютный монетарный подход, когда доход сравнивается с пороговым значением границы бедности (до 2021 г. – прожиточного минимума). Однако в условиях нестабильности доходов семьи либо при значительных расходах на обязательные платежи или, например, лечение, иногда доход, превышающий по размеру границу бедности, может быть недостаточным для потребления на уровне преобладающего в обществе стандарта. Для выявления таких зон неблагополучия применяется концепция деприваций, или лишений. Номенклатура подобных лишений, довольно узкая в классической постановке Townsend (1979), впоследствии была расширена и стала включать не только удовлетворение физиологических потребностей, но и стандарты доступности образования, медицины, информации, общения, жилищной обеспеченности и т. п. (Овчарова, 2009). С точки зрения теории депривационная бедность – это относительный немонетарный концепт, так как граница депривационной бедности зависит от уровня и качества жизни, являющихся общепринятыми, а расчеты ведутся не в денежных единицах, а на основе возможностей потребления.

Цель данной работы – определить уровень и изменение депривационной бедности и соотнести депривационную бедность с монетарной в динамике за последние годы. Для реализации этой цели были поставлены следующие задачи: разработать интегральный показатель депривационной бедности, изучить взаимосвязь компонент депривационной бедности с интегральным показателем, а также оценить, насколько депривационные дефиниции бедности дополняют дефиницию на основе доходов и как эта связь менялась в последние годы.

Обзор предшествующих работ

В России эмпирические исследования бедности на основе относительного подхода, использующего выявление лишений, начали проводиться в конце 1990-х годов (Малева, 1998; Токсанбаева, 1999; Давыдова, 2003). Конструирование индикатора депривационной бедности основано на выборочных исследованиях населения и состоит в том числе в подборе подходящего списка лишений (Тихонова, Слободенюк, 2014; Корчагина и др., 2015). Значительный прогресс был достигнут в 2015–2017 гг., когда Росстат провел масштабное исследование депривационной бедности, показавшее, как бедность по лишениям дополняет картину монетарной бедности¹. Базовый список деприваций был включен в программу нескольких регулярных выборочных обследований Росстата, что позволило изучать и отслеживать динамику показателя депривационной бедности, основываясь на едином и постоянном на протяжении многих лет списке лишений. Соответствующими методологическими подходами руководствуется Евростат (SMMD Eurostat).

В мировой практике центральное место в последние годы занимают исследования многомерной бедности, основанной одновременно и на монетарных, и на немонетарных признаках² (Blasco, 2023). Например, Evans et al. (2023) предлагают комбинированный подход, интегрирующий монетарную бедность в качестве четвертого измерения в структуру глобального индекса многомерной бедности (MPI). Научный дискурс вокруг многомерной и депривационной бедности характеризуется переходом от констатации таких форм бедности к глубокому анализу динамики, уязвимостей и неравенства между разными социально-демографическими группами. Взаимосвязь монетарных и немонетарных измерений и несовпадения между этими двумя типами бедности изучаются в

¹ Фролова, Е. Б. (2018). О совершенствовании методологических положений по расчетам индексов немонетарной бедности по итогам выборочных наблюдений по социально-демографическим проблемам. Доклад на заседании Научно-методологического совета Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/substock/subblock_document/2018-06/28/doc-frol.pdf

² AROPE Eurostat. Glossary: At risk of poverty or social exclusion (AROPe). URL: [https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Glossary:At_risk_of_poverty_or_social_exclusion_\(AROPe\)](https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Glossary:At_risk_of_poverty_or_social_exclusion_(AROPe))

ряде работ (Tran et al., 2014; Salecker et al., 2020). El Azami (2021) систематизирует выводы 16 исследований, проведенных в разных странах (Китай, Индия, Эфиопия, Руанда, Уганда, Непал, Индонезия, страны Латинской Америки), которые констатируют значительное несовпадение между монетарной и многомерной бедностью, несмотря на схожую общую тенденцию к снижению. Устойчивый и значительный разрыв в идентификации бедных обусловлен разной природой измеряемых явлений: монетарные показатели более волатильны и чувствительны к конъюнктуре, в то время как немонетарные отражают кумулятивные лишения в качестве жизни. Notten & Guio (2024) вносят критически важный методологический вклад в дискуссию, фокусируясь на европейском контексте. Авторы количественно оценивают предельный эффект дохода на материальную депривацию. Их исследование показывает, что даже небольшое универсальное увеличение дохода приводит к статистически значимому снижению уровня материальной депривации, однако этот эффект нелинеен и сильно варьируется в зависимости от исходного уровня депривации домохозяйства и страны. Это предоставляет прямые эмпирические доказательства причинно-следственной связи между монетарными и немонетарными измерениями, одновременно подчеркивая, что проведение политики денежных трансфертов без привлечения других инструментов может быть недостаточным для полного устранения глубокой депривации. Cigdem-Bayram et al. (2025) на примере Австралии (данные HILDA за 2003–2023 гг.) выявляют, что динамика уровней бедности по двум подходам (монетарному и многомерному MPI) часто расходится, особенно в периоды макроэкономических шоков.

Эмпирические исследования бедности в России (Kormishkina et al., 2021; Nazarbaeva et al., 2022; Kartseva, 2020) также последовательно демонстрируют существенное несовпадение между монетарными и многомерными измерениями. Ключевой спецификой российского контекста является кардинальное изменение возрастной структуры бедности при переходе к многомерной оценке: фокус смещается с детей на лиц старше трудоспособного возраста и людей с инвалидностью, чьи немонетарные лишения не отражаются в доходах.

Среди российских исследований депривационной бедности встречается упрощенный

методологический подход, когда критерием служит всего одна переменная – низкий потребительский статус (семье не хватает денег на еду или когда денег на еду хватает, но покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги затруднительно) (Гришина, 2019; Шабанов, 2020).

Есть пример построения депривационных индексов на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2009–2019 гг., который показал значительную стабильность депривационного комплекса россиян. Снижение жизненных ограничений отмечено в доступе к информационно-коммуникационным услугам и покупке товаров длительного пользования (Белопашенцева, 2022).

Насколько известно авторам, анализ динамики депривационной бедности по широкому набору лишений за последние годы на основе данных массовых общероссийских репрезентативных опросов населения не проводился, и таким образом данная работа дополняет знания о бедности и о связи депривационной и монетарной бедности в российском контексте.

Методология исследования

Эмпирическую основу исследования составляют микроданные выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения Росстата (КДУ). Оно представляет собой национально-репрезентативное обследование, проводящееся по всей территории Российской Федерации каждые два года, начиная с 2013 г.³ Неизменность ключевых вопросов о лишениях в анкетах КДУ позволяет дать универсальное определение и корректно провести анализ динамики депривационной бедности. Дальнейший анализ связи депривационной и монетарной бедности проводится для периода 2017–2023 гг., так как волна 2013 г. – существенно меньше по количеству респондентов и не охватывает младшие возрастные группы, а в волне 2015 г. отсутствуют переменные о

³ КДУ 2013. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU_2013/survey0/index.html ; КДУ 2015. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU_2015/index.html ; КДУ 2017. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU_2017/index.html ; КДУ 2019. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU_2019/index.html ; КДУ 2021. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU_2021/index.html ; КДУ 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU-2023/index.html

доходах домохозяйства и признаки малоимущего населения. Массивы данных КДУ в разные годы содержат от 110 до 115 тыс. индивидуальных наблюдений (лиц) (табл. 1). При расчетах применяется процедура взвешивания, обеспечивающая национальную репрезентативность результатов выборочных обследований КДУ.

Т а б л и ц а 1
Число наблюдений (респондентов)
по годам, 2017–2023 гг., ед.

Год	Число наблюдений
2017	115 155
2019	115 120
2021	112 963
2023	110 265

Информация о базовом наборе деприваций взята из вопроса со следующей формулировкой: «Позволяют ли (или позволили бы при желании) Ваши финансовые возможности...». Измерение финансовых возможностей домохозяйств проводится по следующим базовым потребностям: замена пришедшей в негодность мебели, приобретение верхней новой одежды, потребление мяса или рыбы как минимум раз в два дня, прием родных или друзей / обед с ними как минимум раз в месяц, приобретение подарков как минимум раз в год, наличие двух пар обуви (на каждого взрослого), оплата недели отдыха с выездом. Дополнительно использованы другие вопросы КДУ, включающие такие депривации, как доступность платных медицинских услуг (платные медицинские услуги вообще не доступны домохозяйству из-за отсутствия средств), возможность сделать ремонт в жилище (не могут самостоятельно сделать ремонт или нанять (и оплатить) для этого работников в ближайшее время), а также самооценка качества питания (питание очень плохое (скудное, порою голодаем) или плохое (однообразное, неполноценное)).

На основе вышеперечисленных десяти переменных мы сконструировали бинарную переменную, равную единице, если человек имеет четыре и более депривации из десяти. Выбор данной точки отсчета был сделан на основе литературы, в которой используются аналогичная методология и похожий набор деприваций, а также на основе доклада Рос-

стата⁴. При выборе были рассчитаны уровни бедности с другими порогами, однако наличие четырех и более деприваций оказалось наиболее подходящим признаком с точки зрения масштабов депривационной и монетарной бедности.

Дальнейший анализ построен согласно следующей логике. Сначала представлена распространенность отдельных деприваций, проведен анализ согласованности этой совокупности признаков и построен аддитивный индекс бедности. Затем депривационная бедность рассмотрена в пересечении с монетарной бедностью, в том числе в динамике за семь лет. На основе метода главных компонент десяти-мерное пространство деприваций упрощено до двухмерного, показана динамика вклада каждой из деприваций в две главные компоненты набора. Далее проведен регрессионный анализ взаимосвязи индикатора депривационной бедности и всего пространства деприваций с показателем монетарной бедности, в логистические модели включены временные компоненты с попарным взаимодействием с депривационными индикаторами. Анализ динамики проведен при прочих равных. В регрессии включены контролирующие переменные пола, возраста, образования, региона проживания респондента и типа населенного пункта. При обсуждении результатов даны отсылки к исследованиям других авторов. Завершает текст краткое заключение.

Результаты исследования

За период с 2017 по 2023 г. наблюдается значительное снижение уровня деприваций по всем ключевым направлениям. Наиболее заметные улучшения зафиксированы в сферах продовольственной безопасности и возможности приобретения базовых товаров. В то же время существенные траты (отдых вне дома, замена мебели) все еще остаются недоступными для значительной части населения несмотря на существенное снижение охвата такими депривациями (табл. 2).

Следует отметить, что при значительном снижении доли людей, которые не могут регулярно употреблять в пищу мясо или рыбу, доля тех, кто оценивает свое питание как плохое или очень плохое на протяжении всего рассматриваемого периода, остается крайне

⁴ Фролова, Е. Б. Указ. соч.

Таблица 2

Распространенность деприваций среди населения, 2017–2023 гг., %

Год	Замена мебели	Покупка новой верхней одежды	Употребление мяса (рыбы)	Прием родных или друзей	Подарки	Наличие двух пар хорошей обуви	Неделя отдыха с выездом	Платные медицинские услуги	Ремонт жилья	Питание плохое или очень плохое
2017	55	16	21	11	5	23	52	14	3	2
2019	48	11	7	10	4	19	46	11	3	2
2021	42	8	6	9	4	15	44	10	3	2
2023	36	5	4	7	3	10	38	7	2	1

низкой. Тем не менее данный признак дает дополнительную информацию об ограничении потребления и включен в набор индикаторов немонетарной бедности.

Анализ согласованности⁵ шкалы десяти деприваций (коэффициент – Кронбаха) показал, что во все годы значение – превышало 0,7. Это указывает на приемлемую внутреннюю согласованность и однородность структуры депривационных признаков. Коэффициент показывает следующую динамику за 2017–2023 гг. (табл. 3).

Таблица 3
Динамика коэффициента – Кронбаха

Год	α Кронбаха
2017	0,823
2019	0,804
2021	0,797
2023	0,771

В условиях снижения доли респондентов, испытывающих отдельные депривации, согласованность набора депривационных признаков за период с 2017 по 2023 г. снизилась с 0,823 до 0,771, в целом оставаясь крайне высокой. Согласованность набора из десяти деприваций позволяет взять его за основу построения индикатора депривационной бедности. Мы конструируем его аддитивным способом, считая наличие по крайней мере четырех из пере-

численных лишений признаком немонетарной депривационной бедности.

Корреляция отдельных признаков деприваций с индикатором немонетарной бедности, когда одновременно присутствуют 4 и более признака лишений, имеет следующий характер. В 2023 г. наиболее тесно с индикатором депривационной бедности связаны отсутствие возможности покупать новую верхнюю одежду, отсутствие двух пар хорошей сезонной обуви и невозможность по причине дефицита средств принимать в гости родных или друзей – корреляция 0,54–0,57. За рассматриваемые семь лет корреляция большинства частных признаков с индикатором депривационной бедности немного снизилась (рис. 1).

Индикатор малоимущности по доходам изначально содержится в массивах данных КДУ. Он основан на данных о денежных доходах домохозяйства, приблизительный размер которых респонденты указывали по заранее заданной в анкете шкале. В связи со спецификой выборочных обследований населения, в которые люди с низкими доходами попадают чаще, а с высокими – реже, а также по причине того, что при расчетах официальных оценок бедности распределение доходов приводится к логнормальному виду и генерализуется на основе макростатистики, расчеты на «сырых» выборочных данных дают более высокие показатели доли населения с доходами ниже порога бедности (прожиточного минимума, с 2021 г. – границы бедности) по сравнению с официальной статистикой бедности. Тем не менее «сырые» выборочные данные корректно отражают

⁵ При расчетах согласованности было произведено пропорциональное уменьшение весовых коэффициентов, сохраняющее количество наблюдений одинаковым во взвешенном и невзвешенном массиве.

направление и скорость изменения доли малоимущего населения, а сопоставимость методологии сбора данных позволяет нам корректно проследить ее динамику. С точки зрения анализа взаимосвязи депривационной бедности с монетарной мы считаем наличие в КДУ анкетных данных о доходах большим преимуществом по сравнению с другими массивами микроданных Росстата, в которых пересчет показателя доходов к макростатистике уже проведен.

Вне зависимости от используемого подхода к измерению бедности в рассматриваемый семилетний период наблюдалось существенное снижение доли бедного населения. На рисунке ниже представлено, как менялись показатели абсолютной монетарной и депривационной бедности в России после 2017 г. по данным КДУ Росстата: видно, что снижение

депривационной бедности происходило более высокими темпами, чем снижение абсолютной монетарной (рис. 2).

Перекрестная классификация в измерениях бедности в рамках абсолютного и депривационного подходов показывает, как менялся уровень бедности в целом, если учитывать обе концепции. Доля небедного населения, тех, кто не считается бедным ни по доходам, ни по лишениям, выросла с 62 % до 82 % за рассматриваемый период. Произошла структурная трансформация бедности – сократилась до минимума самая уязвимая группа (бедные одновременно по обеим концепциям), что в целом свидетельствует об успешности проводимой в стране политики борьбы с бедностью. В структуре бедного населения стало относительно больше тех, кто испытывает проблемы только с доходом (рис. 3).

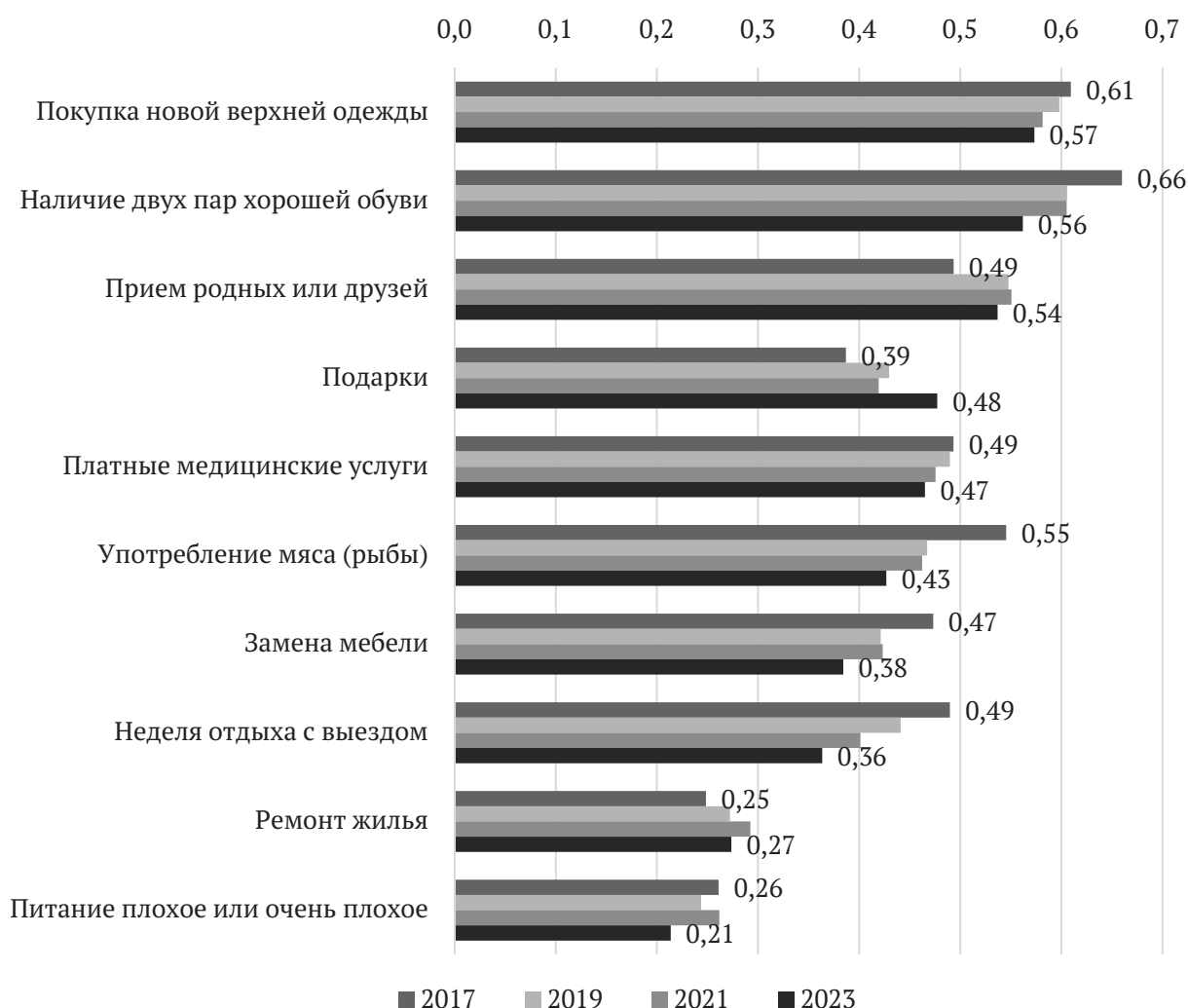

Рис. 1. Корреляция Пирсона переменной Имеют 4+ деприваций (немонетарно бедные) с признаками отдельных деприваций

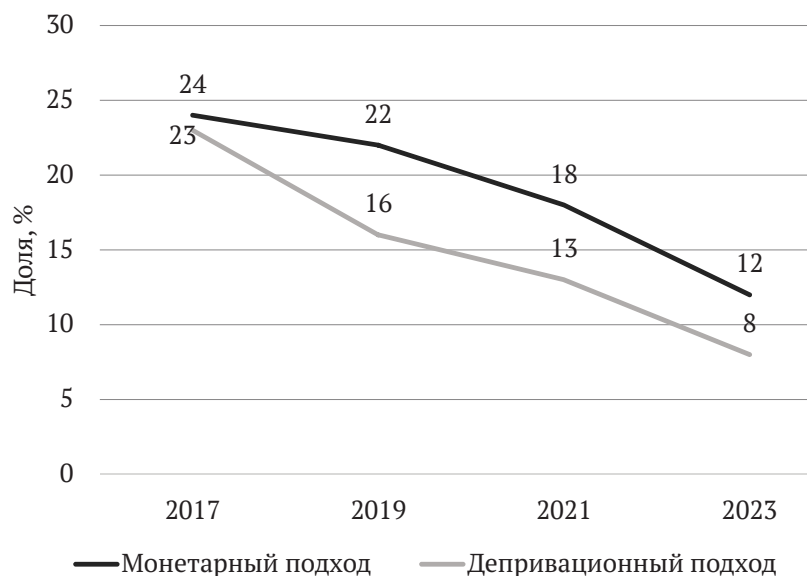

Рис. 2. Доля бедных по абсолютному монетарному и депривационному подходам, Россия, население в целом

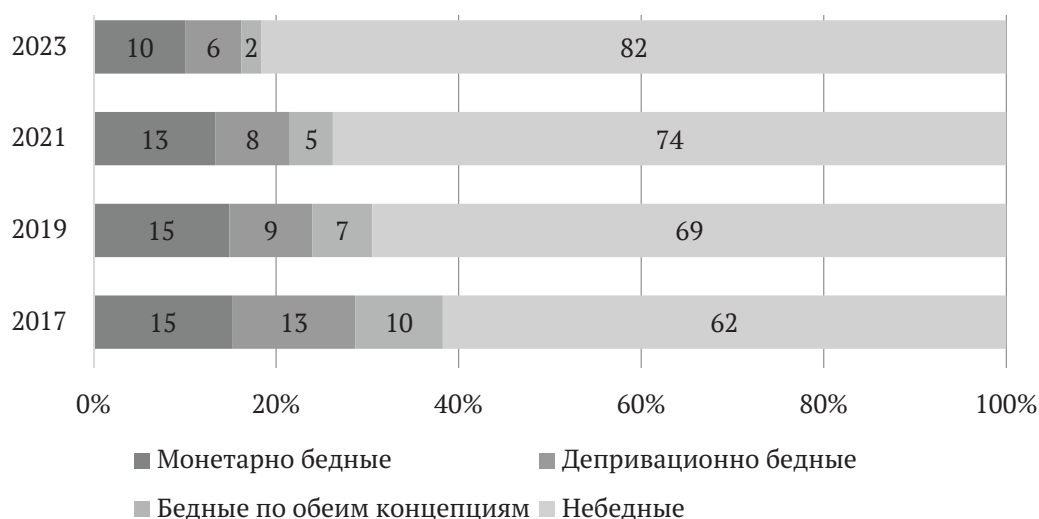

Рис. 3. Пересечение абсолютного и депривационного подхода, Россия, население в целом

Для анализа структуры деприваций и ее изменения со временем выделим на основе набора десяти депривационных признаков основные факторы, применяя метод главных компонент и вращение варимакс с нормализацией Кайзера. По каждому году процедура выделения сводных индикаторов деприваций проводится отдельно, и набор из десяти признаков сводится к двум векторам, которые представляют собой их линейную комбинацию и объясняют в разные годы от 41 до 45 % совокупной дисперсии набора (табл. 4).

В первую компоненту в 2023 г. основной вклад вносят следующие лишения: замена

мебели, возможность отдыха с выездом на неделю, наличие двух пар хорошей обуви и возможность покупать новую верхнюю одежду. Во второй компоненте основную роль играют невозможность дарить подарки хотя бы раз в год и принимать гостей, плохое или очень плохое питание и невозможность по финансовым причинам есть мясо или рыбу хотя бы раз в два дня (рис. 4). В предыдущие годы структура первой и второй компоненты была примерно такой же за единственным исключением – невозможность по финансовым причинам регулярно есть мясо или рыбу начиная с 2019 г. переместилась из группы первых факторов

Т а б л и ц а 4

Объясненная совокупная дисперсия набора из десяти депривационных признаков, %

	2017	2019	2021	2023
Первая главная компонента	25,7	23,3	23,3	22,1
Первая и вторая главная компонента	44,5	43,0	42,1	41,0

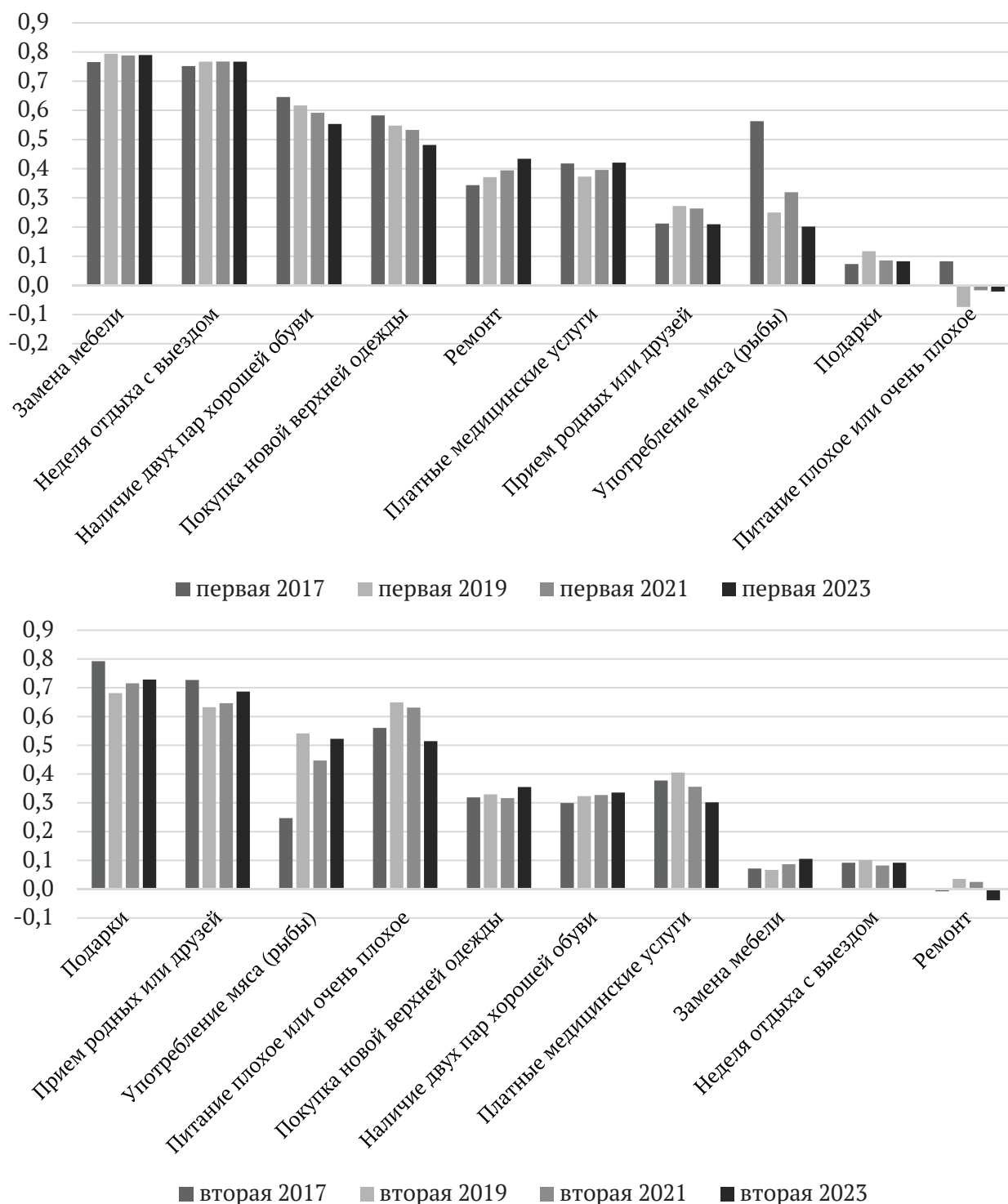

Рис. 4. Вклад отдельных депривационных признаков в первую и вторую главную компоненту набора в 2017–2023 гг.

в группу факторов, формирующих вторую компоненту депривационных признаков, став более согласованной с индикатором плохого или очень плохого питания.

Для того чтобы исследовать, насколько бедность по лишениям дополняет картину монетарной бедности, мы строим две логистических регрессии. Зависимая переменная – уровень бедности по доходам, т. е. абсолютная монетарная бедность. В качестве предикторов выступают дамми-переменные года проведения опроса и либо индикатор наличия четырех и более лишений (Модель 1), либо две главных компоненты, сгенерированные на основе 10 деприваций (Модель 2). Чтобы корректно отразить динамику эффекта в модели включены попарные взаимодействия депривационных индикаторов с годами. Результаты моделирования представлены в табл. 5.

В силу известной из литературы специфики российской бедности, на которую влияет возрастная структура и другие факторы, мы оцениваем взаимосвязь деприваций и депривационной бедности с доходной бедностью при прочих равных. А именно: в качестве контролирующих переменных в обеих моделях используются пол респондента, возраст, образование, индикатор возраста младше трудоспособного, статус на рынке труда, тип населенного пункта и регион проживания. Весовые коэффициенты в массиве пересчитывались так, чтобы количество наблюдений во взвешенном массиве совпадало с их количеством без применения взвешивания. Эта процедура позволяет избежать искусственного повышения значимости оценок коэффициентов.

Так как за рассматриваемый период 2017–2023 гг. доля бедного населения как по депривационному, так и по абсолютному подходу

Т а б л и ц а 5

Результаты логистических регрессий, зависимая переменная – индикатор монетарной бедности (бедность по доходам)

	Модель 1			Модель 2		
	В	Знач.	Exp (В)	В	Знач.	Exp (В)
y2017d	0,757	0,000	2,133	0,950	0,000	2,585
y2019d	0,601	0,000	1,824	0,737	0,000	2,090
y2021d	0,424	0,000	1,528	0,512	0,000	1,668
Имеют 4+ деприваций	1,123	0,000	3,075			
Имеют 4+ деприваций * y2017d	–0,142	0,000	0,867			
Имеют 4+ деприваций * y2019d	0,077	0,020	1,081			
Имеют 4+ деприваций * y2021d	0,054	0,116	1,056			
Первая компонента				0,524	0,000	1,689
Вторая компонента				0,206	0,000	1,229
Первая компонента * y2017d				–0,038	0,001	0,962
Первая компонента * y2019d				–0,023	0,049	0,977
Первая компонента * y2021d				0,010	0,388	1,010
Вторая компонента * y2017d				0,064	0,000	1,067
Вторая компонента * y2019d				0,131	0,000	1,140
Вторая компонента * y2021d				0,037	0,000	1,037
Константа	–0,583	0,000	0,558	–0,587	0,000	0,556
R-квадрат Кокса и Снелла	0,137			0,153		
R-квадрат Нэйджелкерка	0,219			0,246		
Процент правильно предсказанных 0	97,4			96,9		
Процент правильно предсказанных 1	17,9			20,7		
Общий процент правильно предсказанных значений	82,1			82,3		

Примечания:

1. Референтный год 2023.

2. В обеих моделях присутствуют контроли на пол, возраст, образование, занятость респондента, тип населенного пункта и регион проживания.

уменьшалась, мы наблюдаем снижение коэффициентов при бинарных переменных года в обеих моделях: вероятность быть бедным по доходам в 2017 г. была в 2,1 раз выше согласно первой модели и в 2,6 раз выше согласно второй модели по сравнению с базовым 2023 г. Наличие четырех и более деприваций значимо в 3,1 раза повышает вероятность монетарной бедности, а отсутствие признака депривационной бедности, соответственно, с такой же вероятностью предсказывает, что респондент – не беден по доходам. Эффект года опроса в контексте наличия четырех и более деприваций со временем снизился, и влияние депривационной бедности в 2021 г. статистически не отличается от влияния в референтном 2023 г.

Главным отличием двух моделей является то, что в модели 2 присутствуют не только сконцентрированные в виде четырех и более признаков депривации – в ней задействованы две главные компоненты набора из 10 деприваций, в которые вносит вклад каждая из компонент. В такой постановке задачи речь идет о наличии депривационных признаков, а не о бедности по депривациям, когда их большое количество. Влияние деприваций распадается на влияние двух главных компонент, увеличение значений на 1 которых повышает вероятность монетарной бедности в 1,7 и в 1,2 раза соответственно. Влияние первой компоненты практически постоянно, оно немного отличается только в 2017 г. Вторая компонента в 2019 г. чуть сильнее связана с монетарной бедностью, чем в остальные годы при прочих равных.

Модель 2 оказалась лучшего качества как согласно предсказательной силе, так и по показателям псевдо-R-квадрата. Таким образом, две главные компоненты, синтетически объединяющие десять индикаторов деприваций, объясняют вероятность попадания в группу малоимущих гораздо лучше, чем единственный бинарный показатель наличия четырех и более деприваций.

Обсуждение результатов

Полученные в нашем исследовании результаты, касающиеся структуры и динамики депривационной бедности и ее взаимосвязи с монетарными показателями бедности в России, позволяют выйти на широкий круг дискуссионных вопросов. Наши выводы о несовпадении групп монетарной и немонетарной бедности полностью согласуются с результа-

тами исследований, проведенных в странах с различным уровнем развития (Tran et al., 2014; Salecker et al., 2020; Cigdem–Bayram et al., 2025). При этом прослеживается российская специфика – усиление этого несовпадения в последние годы. Если в странах с низким уровнем дохода основным драйвером многомерной бедности является тотальная нехватка ресурсов, то в России, стране со средним уровнем дохода, ключевой проблемой становится уязвимость отдельных социально-демографических групп, которую не позволяет выявить абсолютный монетарный подход. Наши результаты подтверждают выводы других отечественных исследователей (Nazarbaeva et al., 2022; Kartseva, 2020), показывая, что часть населения, не являющаяся монетарно бедной, продолжает нести груз множественных лишений.

Важно отметить, что сравнение динамики бедности по двум методикам в данной статье проводится на основе микроданных КДУ, которые содержат анкетные данные о доходах домохозяйств. Рассчитанные на «сырых» данных КДУ показатели монетарной (абсолютной) бедности выше, чем дает официальная статистика Росстата после нормирования выборочных данных о доходах в соответствии с макропоказателями. Мы считаем работу с исходными анкетными данными КДУ преимуществом с точки зрения анализа взаимосвязи депривационной и монетарной бедности. Результаты наших расчетов о монетарной бедности следует интерпретировать только в терминах направления и скорости изменений, без экстраполяции на всех жителей России.

Что касается показателя депривационной бедности, то существенным ограничением выступает методологическая неоднозначность базового набора лишений. Эта величина крайне чувствительна к выбору «порогового» числа деприваций, начиная с которого человек попадает в категорию бедного населения, а также к перечню самих лишений. При выборе другой точки отсчета и другого набора деприваций результаты могут измениться. Учитывая содержание баз данных опроса КДУ, мы использовали максимально широкий набор лишений из возможных, а постоянство набора признаков позволило корректно исследовать динамику его состава. Анализ показал, что распространенность отдельных деприваций снижается, при этом набор лишений остается согласованным, а вклад каждой из компонент в общую картину

немонетарных признаков довольно стабилен, что согласуется с выводами других авторов на других базах данных (Белопашенцева, 2022).

В условиях стремительного снижения монетарной бедности изучение благополучия населения в контексте лишений получает особую актуальность, потому что низкие уровни официальной бедности не свидетельствуют о высоком качестве жизни населения. Подтверждением этому является расхождение долей бедного населения по обеим концепциям, что свидетельствует о том, что разработка политики, направленной на снижение бедности, должна отличаться для каждого типа бедности. Опора исключительно на монетарные показатели чревата серьезными ошибками таргетирования и формированием «слепых зон» (Cigdem–Bayram et al., 2025). Для снижения монетарной бедности фокус политики должен быть направлен на точечное усиление адресных выплат, а также развитие социальной поддержки населения (в том числе тех, кто находится выше, но близко к границе бедности), нивелирование региональной дифференциации и повышение общей финансовой грамотности населения. С точки зрения немонетарной бедности упор стоит сделать на решение структурных проблем (регулирование тарифов на обязательные платежи, в том числе на ЖКУ, контроль ценообразования на товары первой необходимости), доступность социальных услуг, развитие инфраструктуры и расширение территориальной доступности. Только применение комплексного подхода позволит вывести многие социальные группы из систематической бедности и одного, и другого вида.

Заключение

В течение 2017–2023 гг. в России снизился уровень как монетарной, так и депривационной бедности. Темпы сокращения депривационной бедности превысили темпы снижения абсолютной (монетарной) бедности, что свидетельствует о комплексном улучшении условий жизни, выходящем за рамки роста доходов. При этом произошла структурная трансформация бедности: до минимума сократилась численность самой уязвимой группы населения, бедной одновременно по обеим концепциям.

Анализ структуры деприваций показал наибольшие улучшения в базовых сферах – продовольственной безопасности, доступности одежды и обуви, возможности поддерживать

социальные связи. В то же время такие «дорогие» лишения, как неделя отдыха с выездом или замена мебели, остаются актуальными для значительной части населения, хотя и в меньшей степени, чем ранее. Метод главных компонент позволил выделить два устойчивых фактора депривации: первый отражает материальные возможности потребления (одежда, обувь, отдых), второй – базовые условия существования (питание, социальные практики, подарки), что подчеркивает многомерную природу бедности даже в рамках немонетарного подхода.

К 2023 г. сложилась ситуация, когда две концепции бедности дополняют друг друга, но почти не пересекаются. С одной стороны, есть люди с низким доходом, которые не чувствуют, что лишены каких-то возможностей потребления. С другой стороны, есть люди с доходом выше границы бедности, но с ограничениями в возможностях. Таким образом, растет важность использования депривационной концепции бедности в России, ведь использование только официальной границы бедности исключает из видимости проблемы тех, у кого формально доходы превышают границу бедности, однако ресурсов не хватает. Для этих целей подходит как двухкомпонентная выжимка набора из 10 деприваций, который обладает большей объясняющей силой, так и аддитивный индикатор 4+, более простой в применении на практике.

Данная работа вносит вклад в развитие теории многомерной бедности в российском контексте, а также подтверждает международные выводы о нелинейной и несовершенной связи между доходами и качеством жизни, подчеркивая необходимость комбинированных методологий. С точки зрения практики это означает, что синергетическое сочетание монетарных и немонетарных подходов к измерению, анализу и выработке политики является наиболее перспективным путем для достижения реального сокращения бедности во всех ее проявлениях в России.

В будущем необходимы дальнейшие исследования, направленные на изучение причинно-следственной связи между отдельными депривациями и экономическими шоками, а также на оценку долгосрочной устойчивости наблюдаемого снижения двух типов бедности. Это позволит не только развить понимание социального неравенства, но и обеспечить более точное таргетирование государственных программ поддержки.

Авторский вклад

Авторы внесли равный вклад в работу, представленную в статье.

Источник финансирования

Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Конфликт интересов

Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Белопашенцева, П. В. (2022). Что говорит о российской бедности депривационный подход? *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, (4), 110–129. [Belopashentseva, P. V. (2022). What Does the Deprivation Approach Say About Russian Poverty? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (4), 110–129. (In Russian).] DOI: 10.14515/monitoring.2022.4.2224
2. Белопашенцева, П. В., Слободенюк, Е. Д., & Мареева, С. В. (2024). Объективная и субъективная бедность в России: что принесли последние 20 лет. *Вестник Института социологии*, 15(4), 34–59. [Belopashentseva, P. V., Slobodenyuk, E. D., & Mareeva, S. V. (2024). Objective and Subjective Poverty in Russia: What the Last 20 Years Have Brought. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 15(4), 34–59. (In Russian).] DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.3
3. Бикеева, М. В. (2018). Бедность в России: ключевые подходы к анализу и оценке. *Статистика и экономика*, 15(3), 23–29. [Bikeeva, M. V. (2018). Poverty in Russia: key approaches to analysis and assessment. *Statistics and Economics*, 15(3), 23–29. (In Russian).] DOI: 10.21686/2500-3925-2018-3-23-29
4. Гришина, Е. Е. (2019). Динамика депривационной бедности в России. *Вектор экономики*, (4). [Grishina, E. E. (2019). Dynamics Of Deprivational Poverty in Russia. *Vector Economy*, (4). (In Russian).]
5. Давыдова, Н. М. (2003). Депривационный подход в оценках бедности. *Социологические исследования*, (6), 88–96. [Davydova, N. M. (2003). Deprivation Approach in Poverty Assessments. *Sociological Studies*, (6), 88–96. (In Russian).]
6. Елисеева, И. И., & Раскина, Ю. В. (2017). Измерение бедности в России: возможности и ограничения. *Вопросы статистики*, (8), 70–89. [Eliseeva, I. I., & Raskina, Yu. V. (2017). Measuring Poverty in Russia: Possibilities and Limitations. *Voprosy Statistiki*, (8), 70–89. (In Russian).]
7. Корчагина, И. И., Прокофьева, Л. М., Попова, Р. И., Филоненко, Ю. В., & Фурса, Е. В. (2015). Немонетарное измерение бедности и социальной уязвимости населения России. *Народонаселение*, 1(67),

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Source of Financing

The article was developed as part of the state project at RANEPa.

Conflict of Interest

The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

- 82–94. [Korchagina, I. I., Prokofyeva, L. M., Popova, R. I., Filonenko, Yu. V., & Fursa, E. V. (2015). The non-monetary measurement of poverty and social vulnerability in Russia. *Population*, 1(67), 82–94. (In Russian).]

8. Малева, Т. М. (1998). *Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению*. Москва: Московский Центр Карнеги. [Maleva, T. M. (1998). *Poverty: Alternative Approaches to Definition and Measurement*. Moscow: Moscow Carnegie Center. (In Russian).]

9. Овчарова, Л. Н. (2009). *Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт*. Москва: М-Студио. [Ovcharova, L. N. (2009). *Theoretical and Practical Approaches to Assessing the Level, Profile, and Factors of Poverty: Russian and International Experience*. Moscow: M-Studio. (In Russian).]

10. Овчарова, Л. Н., Бурдяк, А. Я., Пишняк, А. И., Попова, Д. О., Попова, Р. И., & Рудберг, А. М. (2014). *Динамика монетарных и немонетарных характеристик уровня жизни российских домохозяйств за годы постсоветского развития: аналитический доклад*. Москва: Фонд «Либеральная Миссия». [Ovcharova, L. N., Burdyak, A. Ya., Pishnyak, A. I., Popova, D. O., Popova, R. I., & Rudberg, A. M. (2014). *Trends in Monetary and Non-Monetary Characteristics of the Living Standards of Russian Households during the Post-Soviet Development Period: Analytical Report*. Moscow: Liberal Mission Foundation. (In Russian).]

11. Тихонова, Н. Е., & Слободенюк, Е. Д. (2014). Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов. *Общественные науки и современность*, (1), 36–49. [Tikhonova, N. E., & Slobodenyuk, E. D. (2014). The Heterogeneity of Poverty in Russia Through the Prism of Deprivation and Absolute Approaches. *Social Sciences and Contemporary World*, (1), 36–49. (In Russian).]

12. Токсанбаева, М. С. (1999). Исследование бедности методом лишений: первый российский опыт. *Экономическая наука современной России*, 1(5), 22–28. [Toksanbaeva, M. S. (1999). The First Attempt to Employ the Concept of Poverty as Relative

Deprivation in Russia. *Economics of Contemporary Russia*, 1(5), 22–28. (In Russian).]

13. Шабанов, В. Л. (2020). Депривационная бедность: методы исчисления и оценки. *Региональные агросистемы: экономика и социология*, (2), 108–113. [Shabanov, V. L. (2020). Deprivation Poverty: Methods of Calculation and Evaluation. *Regional agrosystems: economics and sociology*, (2), 108–113. (In Russian).]

14. Blasco, J. (2023). *Measuring Deep Poverty in Developed Countries. A Cumulative Indicator of Income and Material Deprivation*.

15. Cigdem-Bayram, M., Nolan, C., Rama, I., & Bieske, N. (2025). Monetary and Multidimensional Poverty in Australia: A Dual Measurement Approach. *Australian Economic Review*, 58(1), 72–85. DOI: 10.1111/1467-8462.70023

16. El Azami, H. (2021). *Contrasting Monetary and Non-monetary Measures of Poverty in Developing Countries: a Survey*. DOI: 10.21203/rs.3.rs-537501/v1

17. Evans, M., Nogales, R., & Robson, M. (2023). Monetary and Multidimensional Poverty: Correlation, Mismatches, and a Combined Approach. *The Journal of Development Studies*, 60(1), 147–170. DOI: 10.1080/00220388.2023.2252140

18. Kartseva, M. A. (2020). Poverty in the Russian Federation: Possibilities and Specifics of the Use of the AROPE Multi-criteria Index in the Poverty Monitoring System of the Russian Federation.

Population and Economics, 4(1), 1–19. DOI: 10.3897/popecon.4.e50836

19. Kormishkina, L., Kormishkin, E., Ermakova, E., & Koloskov, D. (2021). An Approach to Assessing the National Multidimensional Poverty Line in Russia. *Journal of Eastern European and Central Asian Research*, 8(3), 324–336. DOI: 10.15549/jeecar.v8i3.778

20. Nazarbaeva, E. A., Pishnyak, A. I., & Khalina, N. V. (2022). Multidimensional poverty: Methodology and Calculations on Russian Data. *Russian Journal of Economics*, (8), 352–380. DOI: 10.32609/j.ruje.8.81710

21. Notten, G., & Guio, A. C. (2024). Reducing Poverty and Social Exclusion in Europe: Estimating the Marginal Effect of Income on Material Deprivation. *Socio-Economic Review*, 22(1), 301–325. DOI:10.1093/ser/mwad001

22. Salecker, L., Ahmadov, A. K., & Karimli, L. (2020). Contrasting Monetary and Multidimensional Poverty Measures in a Low-Income Sub-Saharan African Country. *Social Indicators Research*, (151), 547–574. DOI: 10.1007/s11205-020-02382-z

23. Townsend, P. (1979). *Poverty in the United Kingdom: a Survey of Household Resources and Standards of Living*. New York: Allen Lane, Penguin Books.

24. Tran, Q-V., Alkire, S., & Klasen, S. (2014). *Static and Dynamic Disparities between Monetary and Multidimensional Poverty Measurement: Evidence from Vietnam*. Working Paper, University of Oxford.

Бурдяк Александра Ярославовна, старший научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация
E-mail: burdyak-ay@ranepa.ru
ORCID ID: 0000-0002-1134-8550

Цацура Елена Алексеевна, канд. соц. наук, старший научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация
E-mail: tsatsura-ea@ranepa.ru
ORCID ID: 0000-0001-9142-2070

Осаволук Александра Андреевна, младший научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация
E-mail: osavolyuk-aa@ranepa.ru
ORCID ID: 0000-0001-8689-5260

Aleksandra Ya. Burdyak, Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
E-mail: burdyak-ay@ranepa.ru
ORCID ID: 0000-0002-1134-8550

Elena A. Tsatsura, Cand. Sci. (Soc.), Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
E-mail: tsatsura-ea@ranepa.ru
ORCID ID: 0000-0001-9142-2070

Alexandra A. Osavolyuk, Junior Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
E-mail: osavolyuk-aa@ranepa.ru
ORCID ID: 0000-0001-8689-5260

Получена 10.10.2025

Получена в доработанном виде 29.10.2025

Одобрена 25.11.2025

Received 10.10.2025

Revisited 29.10.2025

Accepted 25.11.2025